

Г. П. МАКОГОНЕНКО

ТОГОЛЬ
И
ПУШКИН

L

Г. П. МАКОГОНЕНКО

ТОГОЛЬ И ДУШКИН

Милой
Фанне Зиновьевне
с пожеланием новых
успехов
Э. Маслова

25/1/85.

1-980148

СП

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1985

ОБЪЯСНЕНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

По жанру данное объяснение, пожалуй, ближе всего подходит к предисловию, а предисловие к книге пишется в том случае, когда ее автор испытывает нужду о чем-то договориться с читателем. Характер книги требует объяснения, смысл которого в предупреждении читателя об особом авторском подходе к решению поставленных в книге чрезвычайно важных и сложных проблем: творческих контактов Гоголя и Пушкина.

Дело в том, что тема «Гоголь и Пушкин» уже давно привлекла внимание сначала критиков, позже историков литературы; она изучается более века, за это время накоплен громадный фактический материал, опираясь на который, исследователи выдвигали ту или иную концепцию, предлагали то или иное решение темы. Более того, за многие десятилетия созданы устойчивые традиции, выработаны некие определенные принципы и методы исследования этой темы.

Назову наиболее популярные. Биографический метод — рассмотрение отношений двух писателей через призму биографических фактов: знакомство, переписка, встречи, отзывы о произведениях друг друга и т. д.¹ Несомненно, биографический аспект очень важен, и на этом пути сделано много полезного — собраны документы, раскрывающие и близость двух писателей, и расхождение их по ряду серьезных вопросов.

¹ Взаимоотношению Гоголя и Пушкина посвящена обширная литература. Неоднократно подводились итоги сделанного. Назову две обобщающие работы: Гиппиус В. Литературные общения Гоголя с Пушкиным. — Уч. зап. Пермского ун-та, вып. 2, 1931; Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, Л., 1969, т. 6.

И все же биографический подход не позволяет ни раскрыть, ни объяснить исторически закономерный характер творческих взаимоотношений двух писателей, принадлежащих к разным поколениям.

Другой довольно распространенный принцип решения проблемы обусловлен уровнем и характером понимания творчества Пушкина 1830-х годов. Общеизвестно, что критика, да и многие читатели не понимали творчества Пушкина-реалиста, иронически и скептически относились к новым его реалистическим произведениям (например, к «Повестям Белкина», «Пиковой даме», сказкам, поэме «Анджело»). Так сложилась традиция противопоставлять великого Пушкина-романтика посредственному писателю-реалисту. Противопоставление наиболее отчетливо и выявляло непонимание нового антиромантического Пушкина. Критики настойчиво твердили о «конце» Пушкина. Присоединился к этому хору и Белинский. И не только повторял эту мысль, но и делал из нее практические выводы при характеристике литературного процесса 1830-х годов. Вспомним его замечательную статью «О русской повести и повестях г. Гоголя». В обширном обзоре многочисленных повестей различных авторов не нашлось места Пушкину, его «Повестям Белкина» и «Пиковой даме». В центре внимания оказался молодой писатель, издавший сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и «Арабески». Логически закономерным явилось объявление Гоголя главой литературы. Тем самым тема «Гоголь и Пушкин» оказывалась снятой.

Убеждение, что пора расцвета Пушкина связана с романтизмом, что в 1830-е годы талант его упал, сыграло важную роль при характеристике не только прозы Гоголя, но и поэзии Лермонтова. Непонимание критикой глубокой содержательности произведений Пушкина тридцатых годов, мудрости и остроты его критической, исторической, социально-аналитической мысли и обусловило в конце концов рождение парадоксальной концепции, отлучавшей Пушкина от последекабрьского периода, исключавшей его творчество из живого литературного процесса этого десятилетия.

Отлучение Пушкина Белинский проводил в статьях тридцатых годов. А в следующем десятилетии он отказался от своей антиисторической концепции и разработал подлинно историческое обоснование закона преемственного развития литературы. Естественно, была по-

новому решена тема «Гоголь и Пушкин». К сожалению, многими современными историками литературы взято на вооружение именно антиисторическое противопоставление творчества Гоголя творчеству Пушкина.

С наибольшей последовательностью концепция Белинского была развита Г. А. Гуковским. Ученый утверждал, что тридцатые годы — это гоголевский период, что именно Гоголь, а не Пушкин осуществил «движение вперед». Развивая свою мысль, он писал: «Когда говорили о пушкинском периоде, имели в виду главным образом 1820-е годы. Да, в сущности, так оно и было, поскольку в 20-е годы именно Пушкин осуществлял движение русской литературы вперед, это и был по преимуществу пушкинский период. И хотя Пушкин органически вошел в новый период, отметивший 30-е годы, период более демократический, «социальный» и разрушительный, все же этот период оказался связанным с образами новых богов, открыто, почти дерзко его выражавших, с образами Гоголя и Лермонтова — прежде всего, конечно, Гоголя».¹

Но талант исследователя помогал Г. А. Гуковскому понимать глубокую преемственную связь между творчеством Гоголя и Пушкина, и тогда он писал: Гоголь овладел пушкинским методом реализма. «Первый из всех своих современников он понял, что Пушкин научил искусство не только изображать, но и объяснять нравственные явления, человека, жизнь». Оттого Гоголь «усвоил пушкинские открытия».²

Г. А. Гуковский остро осознавал противоречивость своих суждений, высказанных на разных страницах книги. Потому он стремился мотивировать свою позицию. Главной мотивировкой и стало утверждение, что причиной утраты авторитета Пушкина в тридцатые годы явились трагические обстоятельства с публикацией им своих произведений. В это десятилетие «пушкинское творчество 1830-х годов было недостаточно представ-

¹ Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М. — Л., 1959, с. 19. Я называю монографию крупного ученого, где по-своему обоснованно излагается его позиция. Но схема эта давно стала общим местом в историко-литературных трудах, она неизменно повторяется при характеристике литературного движения 1830-х годов. Последний пример — статья Е. Н. Куприяновой «Основные направления и течения русской литературно-общественной мысли второй четверти XIX в.» (в кн.: История русской литературы в четырех томах, Л., 1981, т. 2, с. 343—346).

² Там же, с. 421.

лено в печати, попросту недостаточно известно как читателям, так и критикам». ¹

Доля правды в этом утверждении, несомненно, есть. Действительно, некоторые произведения Пушкина не были напечатаны. Ну, например, стихотворения «Моя родословная» (зато оно широко распространялось в списках, и этого забывать нельзя), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Когда за городом, задумчив, я брожу...» и, конечно, гениальная поэма «Медный всадник». Но, в то же время, нельзя пренебрегать реальным фактом — систематической публикацией именно в 1830-е годы многих реалистических произведений Пушкина. Не буду перечислять его лирических стихотворений — они печатались регулярно. Обращу внимание на некоторые крупные произведения.

В декабре 1830 года вышла наконец трагедия «Борис Годунов» — манифест пушкинского реализма. В 1831 году — два новых, новаторских произведения — «Повести Белкина» и «Пир во время чумы». В 1832 году — вторая драматическая сцена «Моцарт и Сальери». В 1833 году — первое в окончательном, завершённом виде издание романа «Евгений Онегин» (с приложением «Путешествия Онегина») и поэма «Домик в Коломне». В 1834 году — поэма «Анджело», петербургская повесть «Пиковая дама» и «История Пугачевского бунта». Интенсивность публикаций нарастала — в следующем году читатель получил: повесть «Кирджали», цикл стихотворений «Песни западных славян», сказки «О золотом петушке» и «О рыбаке и рыбке». В 1836 году Пушкин начинает издавать журнал «Современник», в котором напечатает много своих произведений, в том числе «Путешествие в Арзрум» и роман «Кавитанская дочка».

К этому должно добавить выпускавшиеся Пушкиным сборники своих произведений, а также массовые публикации новых сочинений 1837 и 1838 годов в журнале «Современник», осуществлённые Жуковским: читатель получил десятки поэтических и прозаических произведений, завершённых и незавершённых, и среди них поэму «Медный всадник».

Объективные факты свидетельствуют, что Пушкин активно участвовал в литературном процессе тридцатых годов, что он обогащал литературу важными для её

¹ Жуковский Г. А. Реализм Гоголя, с. 19.

дальнейшего развития художественными открытиями, что эти открытия видели, понимали и чутко осваивали молодые писатели, прежде всего Гоголь и Лермонтов, но, к сожалению, их не видели и не понимали критики. Программным документом, засвидетельствовавшим величие Пушкина не только двадцатых, но и тридцатых годов, явилась статья Гоголя, напечатанная в «Арабесках» (1835), «Несколько слов о Пушкине». Молодой писатель объявил Пушкина великим национальным поэтом (это в то время, когда вся критика кричала о конце Пушкина!), который открывал многие новые пути литературе и тем способствовал ее «движению вперед». Среди других важных открытий Пушкина Гоголь называет — народность!

Отказ от сложившейся традиционной схемы, упрощающей и обедняющей реальные взаимоотношения писателей разных поколений, вовсе не означает нигилистического подхода к тем позитивным результатам, которые были достигнуты на пути биографического и историко-сравнительного изучения проблемы. Учитывать, а главное, объяснять собранные факты, несомненно, необходимо.

Вопрос о характере, особенностях, формах и типе отношений Гоголя и Лермонтова к Пушкину, о причинах обостренного интереса молодых писателей к произведениям Пушкина, о стремлении их овладеть эстетическим опытом своего предшественника есть частный, конкретно-исторический пример преемственности в литературном развитии 1830-х годов.

В то же время сам факт данной преемственности является выражением общей закономерности развития и общества и культуры. Эта закономерность реализуется в историческом процессе в различных формах, методах, принципах и видах, обусловленных в конечном счете и временем, и конкретной областью его проявления — обществом, культурой в целом, философией, искусством, литературой в частности.

Преемственность в литературе имеет свои специфические особенности, она реализует себя в различных типах связей новых поколений писателей со своими предшественниками. Каждое новое поколение писателей (литературное направление), каждый новый (отдельный) писатель по-своему в каждую эпоху и неповторимо, как неповторима писательская индивидуальность, принимает переданный ему (им) предшествующий

щими поколениями писателей (далекими и близкими, соотечественниками и иностранцами) художественный опыт, эстетические открытия, общественные и нравственные идеалы, многообразие жанровых форм и т. д. Без такого овладения опытом не может реализовать свои спонтанные возможности писательская индивидуальность, не может осуществиться дальнейшее развитие литературы, не может быть прогресса и связи времен.

Гёте свидетельствовал: «Способности даны нам от рождения, но своим развитием мы обязаны великому множеству воздействий окружающего нас мира, из ко-его мы присваиваем себе то, что нам нужно и посылно. Я многим обязан грекам и французам; а перед Шекспиром, Стерном и Гольдсмитом в неоплатном долгу. Но ими не исчерпываются источники моего развития, я мог бы называть таковые до бесконечности, но в этом нет нужды».¹

Восприятие художественного опыта предшественников есть условие плодотворного (прогрессивного) развития всякой национальной литературы. Общеизвестны такие факты, как освоение всеми европейскими странами культурного и художественного опыта античности — Древней Греции и Рима, начатое в эпоху Возрождения и продолженное в последующие столетия. Громадным было воздействие французской просветительской идеологии и просветительского искусства XVIII века на философию, литературу и искусство многих стран, в том числе и России. Позднее произошло открытие русского реализма XIX столетия, и началось ускоренное освоение его художественного опыта западноевропейскими литературами.

Восприятие опыта предшественников осуществляется многообразными путями и в различных формах, сознательно и бессознательно как веление времени, тенденция развития, так и по воле отдельных писателей (освоение, например, Пушкиным опыта Байрона — создателя жанра романтических поэм и спор русского поэта с английским, соотнесение Лермонтовым своей поэтической деятельности с Байроном и Пушкиным и т. д.). Преимущество осуществляет себя в конечном счете как синтез освоенного опыта предшественника и собственного дарования нового (молодого) художника.

¹ Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. М., 1981, с. 275.

И еще одна увлекательная и перспективная задача — изучение того, что воспринимает молодой писатель у предшественника, может обнаружить в творческом наследии этого предшественника, его идейных и эстетических исканиях и открытиях такое, чего не замечали, не видели ни читатели-современники, ни критики, ни историки литературы, но увидел, понял и оценил воспринимающий. Ибо восприятие и освоение есть творческий акт, это всегда глубоко личное обнаружение близкого ему в художественном наследии предшественника или учителя и сделано оно художником, наделенным острым чувством восприятия нового в искусстве, нужного ему. Тем самым, смотря на предшественника глазами молодых гениальных наследников и продолжателей, мы открываем для себя богатства, которые не замечали раньше.

Подлинно историческому изучению литературной преемственности должны помочь глубоко продуманные суждения и наблюдения самих писателей. Вопросы преемственности волновали русскую критику, в частности Белинского и Чернышевского. За последние годы проблемы преемственности широко освещаются и философами и литературоведами. Появляются и теоретические работы, из которых укажу на книгу А. С. Бушмина «Преемственность в развитии литературы» (Л., 1975).

Из большого числа вопросов, входящих в громадный историко-литературный комплекс — преемственность в русской литературе и пути ее художественной самореализации, я остановлюсь на рассмотрении лишь одного, но чрезвычайно важного для понимания сущности литературного процесса 1830-х годов, а именно на выяснении отношения молодого, вступающего в литературу писателя — Гоголя к своему предшественнику — Пушкину.

Отношения эти будут изучаться в строго определенных хронологических рамках: в период 1831—1836 годов (т. е. в годы активных творческих контактов писателей).

Осуществление закона преемственности всегда объясняется временем, определенными общественными обстоятельствами, эстетическим своеобразием литературы данного периода, характером литературной борьбы. Историческая ситуация 1830-х годов, определявшая своеобразие художественного творчества Пушкина, особенность его убеждений, в то же время уточняла, конкрети-

зировала характер, проблематику художественного опыта Пушкина, интенсивность его освоения. Освоению открытий способствовал и биографический фактор, который, в свою очередь, в какой-то мере тоже оказывался зависимым от обстоятельств, в которых жили писатели. Гоголь любил Пушкина, он ему был духовно близок, он благоговел перед Пушкиным как писателем, пристально читал его сочинения, следил за всем им написанным, испытывал нужду в пушкинской мысли, пытливо познающей трагизм жизни человека в реальной русской действительности.

Новая историческая ситуация стала складываться после поражения декабристов в 1825 году. Что становилось главным в новых общественных, политических и социальных обстоятельствах? Дальнейшее обострение социальных и политических проблем русского крепостнического государства. Декабристы пытались решить их революционным путем. Но то была дворянская революция — лучшие люди из дворян, боясь народа, действовали во имя свободы народа, но без народа. Восстание кончилось поражением. Социальные противоречия ожесточались год от года. Путь к свободе, предложенный декабристами, себя не оправдал. Передовая идеология эпохи — дворянская революционность — потерпела крах, начался ее кризис.

Вот с конца 1820-х и в 1830-х годах и создалась новая историческая и общественная ситуация, которую точно определил Герцен в работе «О развитии революционных идей в России»: «Невозможны уже были никакие иллюзии: народ остался безучастным зрителем 14 декабря. Каждый сознательный человек видел страшные последствия полного разрыва между Россией национальной и Россией европеизированной. Всякая живая связь между обоими лагерями была оборвана, ее надлежало восстановить, но каким образом? В этом-то и состоял великий вопрос».¹

Со всей беспощадной очевидностью обнаружился трагический разрыв между Россией европеизированной (лучшими людьми из дворян) и Россией народной. Герцен в 1850-х годах поставил социальный диагноз сложившейся в России новой общественной ситуации. Лучшие умы 1830-х годов болезненно переживали гнет

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1956, т. 7, с. 214.

этой трагической ситуации. Пушкин же был первым, кто не только понял сложившуюся обстановку, но и, чутко слушая свое время, напряженно стал искать путей преодоления разрыва между двумя Россиями и выстраданную мысль смело воплощал в своих художественных произведениях. Характерно, что именно Герцен понял и подчеркнул эту особую роль Пушкина. Он писал: «Глубокая печаль овладела душою всех мыслящих людей. Только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее».¹

Время выдвигало в качестве насущной задачи преодоление болезненно проявлявшегося разрыва. История подсказывала и путь преодоления — демократизация общественного движения, тем самым осознавалась и крайняя необходимость демократизации литературы. Представление об этом формировалось не сразу — потому оно включало в себя самые различные элементы. Это и изображение демократических героев, и расширение социальной сферы исследования жизни, это и всемогущественнее проявлявшая себя тенденция развития прозы. Именно в тридцатые годы произойдет решительное обновление литературы — проза, вытесняя поэзию с давно занятых ею рубежей, начнет претендовать на ведущую роль в литературном процессе. Это и нараставший кризис романтической эстетики и романтических жанров и борьба с романтизмом, еще продолжавшим занимать господствующее место в русской литературе. Это и острейшая борьба за народность литературы, понятие которой было различным и программно противоречивым.

Но конечно, самым главным моментом этого спонтанно проходившего процесса демократизации явилось пробуждение интереса к народу, усиливавшееся стремление изображать народ.

Пушкин оказался самым подготовленным писателем и мыслителем к выполнению историей поставленной задачи. Это не было случайностью — вспомним, что он еще до 14 декабря 1825 года преодолел романтизм и встал на позиции историзма, реализма и народности.

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах, т. 7, с. 214—215.

Уже в трагедии «Борис Годунов» было осуществлено художественное исследование истории России и раскрыта творческая сила народа, сила, определяющая в конечном счете ход исторического развития.

В тридцатые годы Пушкин будет решительно обновлять литературу — появятся новые, недворянские герои, бурно станет развиваться проза, будет открыта истинная народность литературы, которая определит успехи и Гоголя и Лермонтова, неистово и героически в условиях господствующего романтизма Пушкин будет утверждать в литературе реализм, «обиды не страшась» и пренебрегая воплями о «конце» Пушкина. Продолжая развивать тему народа, поставленную в «Борисе Годунове», он не только углубит ее, но и уточнит первостепенную задачу современной литературы — изображение народа как познание народа.

Познание требовало выявления социальных причин существования в России рабства, социально обусловленной борьбы за свободу, оправданности и законности этой борьбы, изучения творческой энергии народа, его способности создавать свою культуру, свою идеологию. С другой стороны, возникала необходимость художественного исследования судьбы русского дворянства, выяснения исторической роли передового дворянства после катастрофы 14 декабря 1825 года. Именно историческая ситуация разрыва между Россией европеизированной и Россией народной и выдвигала перед литературой обе эти темы.

Отсюда параллелизм тем народа и судьбы передового дворянства в произведениях тридцатых годов. Потому у Пушкина — «История Пугачева», «Песни западных славян», «Кирджали», «Капитанская дочка», с одной стороны, и «Евгений Онегин», «Дубровский», «Путешествие в Арзрум», неоконченный роман «Русский Пелам» — с другой. То же мы находим и у Лермонтова — «Бородино», «Родина» и «Дума», «Герой нашего времени».

Но подобное художественное исследование требовало доверия к объективной действительности, понимания обусловленности человека обстоятельствами его жизни, раскрытия закономерностей социального, общественного и исторического развития общества. Таким методом мог быть только реализм, вооруженный историзмом. И он объективно уже существовал и мощно проявлял себя в гениальном творчестве Пушкина.

С этой исторической задачей не мог справиться романтизм, с его субъективизмом, недоверием к реальной жизни, ориентацией на сильную личность, презирающую людей, общество. Восприятие реальной жизни только как средоточия зла, пороков и преступлений оказывалось роковым — оно рождало ненависть к миру людей, обрекало на создание условных, умозрительных идеалов, бесконечно далеких от обстоятельств, порождающих трагизм бытия, героев-одиночек, нищих, в конце концов, свободы для себя, свободы — убежища от враждебного общества.

Сила лучших поэтических произведений романтизма этой поры в неприятии, отрицании враждебной человеку современности, но это неприятие лишено было социальной конкретности и определенности. У романтиков было отрицание, но не было познания причин катастрофичности бытия, противоречий социальной действительности. Историческая же ситуация требовала познания скрытых тайн общества, поисков истины в самой действительности. При этом чем острее и откровеннее историческая ситуация 1830-х годов ставила перед поэтами вопрос об их ответственности перед людьми, родиной, народом, тем категоричнее романтики обосновывали право поэта или находиться над схваткой, или заниматься собой и не вмешиваться в дела толпы, или констатировать бессмысленность усилий поэта в изменившемся мире. И пожалуй, наиболее трагичное проявление бессилия поэта в этом страшном, бесчеловечном обществе, вступившем к тому же еще в новый, «железный» век, исполненный новых конфликтов, деспотически утверждающий пошлую мораль торгашей и буржуа, которая еще больше унижала и оскорбляла человека, сказавшись в стихотворении Баратынского «Последний поэт», написанном в 1835 году. Современный исследователь пишет о нем: «Любви, красоты и поэзии нет более в человеческом обществе, — и последний поэт появляется как неожиданная вспышка духовных сил человечества накануне их иссякновения. Он зовет собратий к исконным началам природы и духа, но призыв его не встречает ответа. Последний поэт бросается в море со скалы Левкада, освященной именем Сафо, — и этот акт самоуничтожения есть для него одновременно и возвращение в породившую его природную стихию, ибо море оказалось неподвластным усилиям человека. Гибель поэта символизирует смерть самого искусства

в бездуховном мире. Шестью годами позднее в стихотворении «Что за звуки? Мимоходом...» (1841) почти одновременно с Лермонтовым Баратынский создает трагический образ нищего и слепого пророка-избранника, поющего перед толпой, которой его искусство непонятно и ненужно. «Ненужность» и безответность искусства в условиях меркантильного века — тот новый поворот темы «поэта и поэзии», который она приобретает на протяжении 1830-х гг.»¹

В этой связи должно и необходимо сказать, более того — категорически подчеркнуть, что именно в это время Пушкин, Пушкин-реалист, вынашивал и формулировал подказанное исторической ситуацией тридцатых годов и органически необходимое и Пушкину и другим писателям представление не только о долге, но и о месте поэта в общественной жизни его родины. Это представление художественно обосновывалось в ряде произведений — в стихотворении «Осень», в «Путешествии в Арзрум», в «Сценах из рыцарских времен» и полнее, отчетливее всего и, главное, программно — в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Только этот пушкинский идеал, определенный его убеждениями реалиста, мог помочь писателю выполнить тот исторический долг, который на него возлагала историческая ситуация 1830-х годов. И это увидели у Пушкина Гоголь и Лермонтов, поняли и оценили. Проблема общественного призвания писателя-реалиста была одной из важнейших в процессе формирования в тридцатые годы русского реализма.

Время выдвигало перед литераторами сложные и трудные задачи. Непонимание этих требований приводило к напряженным отношениям между писателями-друзьями. Жестко и бескомпромиссно рушились прежние литературные и дружеские связи (например, Пушкина с Баратынским). Время вносило ноту отчуждения и некоторый холодок равнодушия даже в отношении Пушкина с давними и близкими друзьями — с Жуковским и Вяземским. Пушкин не шел на компромисс, не изменял своим убеждениям, не мог идти навстречу требованиям поносившей его критики и милых сердцу друзей, которые, не понимая и не принимая его дело, опекали и дожимали советами и рекомендациями.

¹ Вацуро В. Э. Е. А. Баратынский. — В кн.: История русской литературы в четырех томах, т. 2, с. 391.

В тридцатые годы Пушкин мужественно переносил свое одиночество. Вот почему он так обрадовался знакомству и дружеским связям с молодым писателем Гоголем, принадлежавшим к новому поколению, — ему был нужен единомышленник и союзник. Но и в данном случае, как и во многом другом, обстоятельства жизни и работы в тридцатые годы для Пушкина складывались неблагоприятно. Его гениальный ученик чем тверже вставал на ноги, тем настойчивее отстаивал свои идеалы, вступал в спор с пушкинской концепцией человека и его права на бунт и мятеж. В мае 1836 года так было счастливо возникший союз единомышленников (апофеозом которого было совместное редактирование «Современника») был разорван Гоголем: не попрощавшись с Пушкиным, бросив все дела по журналу, он уехал за границу.

Литературная жизнь тридцатых годов отличалась сложностью и интенсивностью идеологических исканий, споров, борьбы. Противоречия русского и западноевропейских (особенно французского) политических и социальных режимов (а именно в это десятилетие возникла и стала быстро развиваться острейшая проблема — Россия и Запад, русский и европейский путь развития) заставляли искать ответов на многочисленные «проклятые» вопросы настоящего и будущего человечества.

Русские люди пытались найти ответы в немецкой философии (у Шеллинга, Фихте, Гегеля), в религии, в истории России и Европы — отсюда интерес к «Истории государства Российского» Карамзина и капитальным трудам Гердера и французских историков революции (Гизо, Тьери, Минье, де Баранта). Как следствие этого стремления — разобраться в закономерностях истории, понять и объяснить настоящее и заглянуть в будущее — явилось бурное развитие историзма.

В то же время общественная атмосфера кризиса бывшей передовой идеологии дворянской революционности, жандармский и идеологический террор правительства, преследование вольномыслия создавали благоприятные условия для нового расцвета романтизма разных направлений — философского, мистического, эпигонского и «ложного», или «величавого», романтизма, поддерживаемого и покровительствуемого правительством. Но даже бунтарский романтизм проявлялся в трагическом, безрезультатном протесте одиночки или, в

конце концов, обращившись бегством из мира неволи и преступлений в мир своей душевной свободы. Вновь в эту пору вспыхнул интерес к Байрону, Пушкину-романтику, к поэзии декабристов-романтиков, к немецкому и французскому романтизму.

Болезненное переживание противоречий последекабристской эпохи и порождало ту особенность идейной жизни тридцатых годов, главным в которой были поиски ответов на большие вопросы, поиски путей развития России, народа, поиски возможностей достижения личной и общественной свободы. Искания — вот что было определяющим в творческой работе писателей и критиков.

Эти искания нередко приводили к ошибочным решениям и к идеализации самодержавной власти (Пушкин второй половины двадцатых годов, Пушкин «Стансов», «К друзьям», «Полтавы», Белинский в конце тридцатых годов, с его знаменитым примирением с действительностью). Но верность действительности, историзму помогли им преодолеть собственные заблуждения и прийти к выстраданной истине. Другие деятели, и не сливаясь с хором официальных идеологов русского самодержавия, все же в своих сочинениях пропагандировали веру в русского самодержца как в ту спасительную силу, которая единственно способна принести России благо и процветание (Н. Полевой, Н. Надеждин). Гоголь в своем беспрецедентном реалистическом отрицании устоев несправедливого социально-чиновного государства надежды все же возлагал на русского царя и моральное возрождение современного чиновника — взяточника и преступника, помещика-крепостника. Искания выхода из создавшегося в крепостнической и чиновной России страшного положения проходили драматически и привели Гоголя к духовному краху.

Господство идеалистических представлений о настоящем и будущем, проявление настойчивых стремлений найти средства уничтожения зла, преступлений и пороков в обществе на путях религии, морализма, веры в царя приводили к заблуждениям и духовным драмам. С другой стороны, господствовал романтизм с его ориентацией в конечном счете на одинокую свободолюбивую личность, пытающуюся найти ответы на все «тайны века» только в себе, только через себя, при гордом отрицании действительности.

В такой идейной и эстетической атмосфере все от-

четливее, с каждым годом десятилетия все определеннее проявляется глубокий смысл художественной и общественной деятельности Пушкина-реалиста. Реализм Пушкина оказывался той объективной реальностью не только литературы тридцатых годов, но и русской жизни вообще, реальностью, которая несла в себе громадной силы заряд позитивного, исторически и социально конкретного решения острейших проблем современности.

Так и с этой — идеологической и общественной — стороны обнаруживалась спасительность и мудрость позиции Пушкина, первого поэта жизни действительной. Историческая ситуация тридцатых годов как бы императивно нацеливала литературу на Пушкина. И литература в лице двух начинающих гениальных писателей — Гоголя и Лермонтова — почувствовала, поняла и восприняла это веление времени. Вступая в литературу, они начали с освоения опыта Пушкина. Исторически проблема преемственного развития литературы в эти напряженные и исполненные противоречий тридцатые годы сложилась как преемственная связь Пушкина-реалиста с молодыми писателями нового поколения: речь шла о преемственном развитии русского реализма.

Каждая историческая эпоха, каждая вновь возникающая историческая ситуация рождала свои формы, свои средства, свои пути самопроявления, самоосуществления преемственности. Следовательно, мы обязаны точно знать эти реальные средства и формы. И мы должны исходить при их изучении из условия, что это осуществление и проявление есть творческий акт, протяженный во времени, творческий процесс, доминантой которого, применительно к тридцатым годам, было становление и развитие реализма.

В этом становлении практически участвовали три человека — Пушкин, Гоголь и Лермонтов. Именно их усилиями прежде всего утверждался русский реализм как богатая художественная система, воплощавшаяся в гениальных художественных произведениях. При этом историческая ситуация тридцатых годов наложила свою печать на характер этого реализма, породила его своеобразие, которое и определило особенности русского реализма на его первом этапе.

Вклад в эту единую систему носил глубоко индивидуальный характер, как индивидуальны были таланты этих трех писателей. Но роль Пушкина была особой — он начинал раньше и уже накопил громадный опыт,

мимо которого нельзя было пройти. При этом опыт этот носил двоякий характер — преодоление романтизма и выработка основ новой эстетики поэзии жизни действительной. И это было важно для Гоголя и Лермонтова, ибо их движение к реализму осуществлялось, как и у Пушкина, через преодоление романтизма.

Преодоление должно понимать исторически. Преодолевалась романтическая философия человека, его субъективизм, его недоверие к объективной действительности, индивидуалистическое представление о свободе. Но преодоление не было нигилистическим отрицанием великих художественных свершений романтизма. Исторически преодоление включало в себя и акт творческого освоения его достижений. И в этом проявлялась закономерность преемственного развития литературы. Так было у Пушкина, и его опыт для Гоголя и особенно для Лермонтова имел огромное значение именно в тридцатые годы.

Одновременно вырабатывалась и позитивная программа новой эстетической системы — историзм, доверие к действительности, к объективному миру, метод раскрытия обусловленности человека обстоятельствами его исторического, социального и национального бытия (это уже программно было осуществлено в трагедии «Борис Годунов»), народность и способность человека преодолевать враждебные ему обстоятельства жизни, восставать против торжествующего насилия в обществе.¹

Движение Гоголя и Лермонтова к Пушкину-реалисту, их возраставший интерес к его произведениям тридцатых годов не означали, что они учились реализму. Этому научиться нельзя. Реализм формируется самой жизнью, формируется у каждого писателя индивидуально. Реализм — это определенная философия действительности, общества, философия человека. Она и осваивалась. Тут имел значение не только опыт Пушкина, но и опыт русской и мировой литературы. Опыт Шекспира, например, имел большое значение для Пушкина. Карамзин и Гердер во многом способствовали формированию убеждений Гоголя.

Определяющей особенностью реализма нового времени (именно начиная с Пушкина) был историзм. Но

¹ Подробно об этом см. в моей книге: Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974, с. 241—314.

историзм на Западе и в России бурно развивался с конца XVIII столетия и в тридцатые годы XIX века стал широко распространенным методом познания прошлого и настоящего.

В то же время каждый крупный, гениальный художник делает индивидуальные эстетические открытия, которые обогащают тот или иной художественный метод. Без освоения их не может быть развития, прогресса литературы. Открытия гения поднимают искусство слова на новый, более высокий уровень, повышают эстетический познавательный потенциал искусства.

В 1830-е годы Пушкин обогатил реализм многими программными открытиями, которые позволяли проникать в тайны бытия общества и человека. И тут срабатывал закон преемственности — осуществлялось освоение этих открытий реалиста молодыми писателями нового поколения.

Эту важнейшую особенность литературного развития тридцатых годов понял и прекрасно выразил в 1843 году Белинский в статье «Русская литература в 1843 году». К этому времени критик пересмотрел свое отношение к Пушкину-реалисту, преодолел концепцию, отлучавшую Пушкина от литературы тридцатых годов, поэтому надо было решать вопрос о роли и месте Пушкина в это десятилетие с позиций подлинного историзма.

Свою мысль Белинский сформулировал, опираясь на реальную творческую практику Гоголя: «Пушкин имел сильное влияние на Гоголя — не как образец, которому бы Гоголь мог подражать, а как художник, сильно двинувший вперед искусство и не только для себя, но и для других художников открывший в сфере искусства новые пути».¹

Критик, как видим, поставил важнейший вопрос развития литературы — у великих художников бывают открытия, имеющие не частный (для себя), но общий характер, которые двигают вперед искусство. Их освоение другими художниками и есть творческий акт преемственности в литературе. Так Белинский очень точно определил закономерность литературного процесса тридцатых годов. Я в своей работе и опираюсь на эту закономерность.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.—Л., 1955, т. 8, с. 79.

Развивая новую концепцию, Белинский конкретизирует свою мысль: «Главное влияние Пушкина на Гоголя заключалось в той народности, которая, по словам самого Гоголя, «состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа». Статья Гоголя «Несколько слов о Пушкине» лучше всяких рассуждений показывает, в чем состояло влияние на него Пушкина».¹

Белинский употребил термин «влияние». В ту пору этот термин еще не имел современного значения, а за последние сто лет он наполнился иным содержанием и стал выражать, подчеркивать, намекать на несамостоятельность того, кто подвергся влиянию. Вот почему в своей книге я буду говорить (чтобы быть понятым правильно) не о влиянии, но об освоении тех открытий Пушкина Гоголем, которые двигали вперед реалистическую литературу, освоении, обусловленном законом преемственного развития литературы, освоении, которое открывало возможность трем гениальным писателям делать одно общее дело — создавать русский реализм, несущий на себе не только печать его индивидуальных творцов, но и печать времени.

Формула Белинского нуждается и еще в одном комментарии. В первой фразе критик говорит об открытии Пушкиным новых путей в сфере искусства. Во второй — свой тезис критик иллюстрирует только одним примером — открытие народности. В действительности этих открытий было больше и, соответственно, и освоено было больше открытий. Наша задача понять и объяснить эти открытия Пушкина и раскрыть процесс их творческого освоения Гоголем.

И еще одно уточнение: Белинский цитирует гоголевское определение пушкинской народности: она «состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа». Цитата не полная. Важна ее расшифровка Гоголем. Дух народа передается тогда, писал он, когда писатель оказывается способным «смотреть на все явления жизни глазами народа». Именно этим уточнением Гоголь вскрыл существо пушкинской народности. Запомним это, — в своем месте книги я вернусь к этой формуле.

Из сказанного читателю ясно, что изучение отношений Гоголя к Пушкину не является для автора самоцелью. Эти отношения интересны, прежде всего, не

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8, с. 79—80.

только как серьезные факты биографий каждого писателя, но как существенный момент литературного процесса тридцатых годов XIX столетия. Тем самым исследование данной темы позволяет проследить формирование реализма, выяснить предопределенную исторической ситуацией особую роль в этом процессе Пушкина, определить некоторые коренные особенности именно реализма 1830-х годов.

Реализм на своей начальной стадии складывался как динамическая структура, чутко откликающаяся на потребности времени и вырабатывающая новые способы, принципы художественного исследования действительности, познания общества и человека в своих усложняющихся отношениях. Творчество Пушкина было примером такого обогащения реализма в тридцатые годы. Включение Гоголя и Лермонтова в этот процесс значило не только расширение и укрепление влияния данной художественной системы, но и новое существенное ее обогащение. Освоенные открытия Пушкина входили в их творчество в трансформированном виде (преломленными через призму индивидуального дара писателя), оказывались плацдармом для собственных открытий, которые двигали русский реализм вперед, оказывались нужными последующим поколениям художников, прокладывали в искусстве новые пути.

Реализм рождался не на пустом месте — ему предшествовали, а потом и противостояли и активно действующие направления (например, романтизм), и направления, уже сдававшие свои бывшие господствующие позиции (сентиментализм, классицизм). Процесс формирования реализма означал и борьбу с канонами враждебных ему направлений. Но борясь, решительно отстаивая чистоту своей системы, своей философии действительности и человека, реализм и включал в себя художественные достижения предыдущих направлений, и прежде всего романтизма. Уже давно отмечалось, что, например, в поэме «Медный всадник» (да и в поэме «Полтава») тема Петра овеена духом классицизма, который поэтически раскрывался в одическом стиле строф, посвященных царю (Г. А. Гуковский); что важнейшей доминантой стиля некоторых «Повестей Белкина» оказывалась переключка со стилистикой и проблематикой повестей Карамзина (Н. Я. Берковский) и т. д. Полнее всего эта особенность реализма проявилась в протейизме Пушкина.

В статье «Об одной особенности реализма» академик Д. С. Лихачев подробно писал о том, как борьба с кано-нами естественно сочеталась в реализме с включением в свою систему достижений предыдущих направлений.¹ Это дало право автору назвать реализм «открытым стилем». Данная особенность реализма четко опреде-лилась уже на первом этапе его развития в тридцатые годы. И, пожалуй, более всего эта его способность ска-залась в освоении многих достижений романтизма.

Обусловливалось это несколькими причинами. Во-первых, романтизм в 1830-е годы был господствующим направлением. Во-вторых, основоположники реализма сами начинали свой путь как романтики, и роковые про-тиворечия романтической философии человека и его достижения в раскрытии богатого духовного мира лич-ности были для них не явлением некой чужой эстети-ческой системы, а теми убеждениями, которые они вы-страдали и приняли всем сердцем.

Вот почему историческая ситуация этого десятилетия требовала освоения реализмом многих достижений ро-мантизма, которые подняли на новый уровень литера-туру как искусство слова. Освоенное свободно, естест-венно и закономерно входило в новую систему, подчи-нялось ее ведущим тенденциям, выступало в единстве со всеми особенностями реалистической поэтики.

Реализм тридцатых годов — это внутренне единая, целостная художественная система, особая структура, на которой время поставило свою печать. Войдя в но-вый метод, эти открытия стали жить новой жизнью и потому не являлись так называемыми «элементами» ро-мантизма. Но они не потеряли способности излучать присущую им радиацию, они выражали свою новую жизнь в виде романтического свечения реалистических образов, романтически-субъективного экспрессивного стиля, бурного выявления авторской позиции.

В последующие десятилетия время изменит обстоя-тельства и этот романтический ореол погаснет, свечение исчезнет — окончательно победит высокая и мудрая поэзия жизни действительной, поэзия человека реаль-ного, обусловленного историей, средой и националь-ностью. Но реализм тридцатых годов, реализм Пушкина, Гоголя и Лермонтова как исторический феномен оста-нется навсегда в их произведениях.

¹ См.: Вопросы литературы, 1960, № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Объяснение с читателем	3
Глава первая «ЕГО СЛЫШАЛ ОДИН ТОЛЬКО ПУШКИН»	23
Глава вторая ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РЕАЛИЗМА ПУШКИ- НЫМ И ГОГОЛЕМ	52
Глава третья ТЕМА ПЕТЕРБУРГА У ПУШКИНА И ГОГОЛЯ	102
Глава четвертая ПЕРВЫЙ СПОР С ПУШКИНЫМ	135
Глава пятая ФАНТАСТИЧЕСКОЕ У ПУШКИНА И ГОГОЛЯ	173
Глава шестая ПУШКИНСКОЕ НАЧАЛО В КОМЕДИИ ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»	206
Глава седьмая ПОСЛЕ «РЕВИЗОРА»	254
Глава восьмая ПОВЕСТЬ «ШИНЕЛЬ» И ЕЕ ИСТОЛКОВАНИЕ	304
Заключение	338